

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.10

Правильная ссылка на статью:

Реутов Е. В., Реутова М. Н., Шавырина И. В., Турьянский А. А. Самоорганизация в локальных сообществах: практики и механизмы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 145—164. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.10.

For citation:

Reutov E. V., Reutova M. N., Shavyrina I. V., Turyansky A. A. Self-organization in local communities: practices and mechanisms. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 4. P. 145—164. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.10.

Е. В. Реутов, М. Н. Реутова, И. В. Шавырина, А. А. Турьянский САМООРГАНИЗАЦИЯ В ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ: ПРАКТИКИ И МЕХАНИЗМЫ

САМООРГАНИЗАЦИЯ В ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ: ПРАКТИКИ И МЕХАНИЗМЫ

SELF-ORGANIZATION IN LOCAL COMMUNITIES: PRACTICES AND MECHANISMS

РЕУТОВ Евгений Викторович — кандидат социологических наук, профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.
E-MAIL: reutovevg@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0270-168X

*Evgeny V. REUTOV*¹ — *Cand. Sci (Sociol.), Assoc. Prof.*
E-MAIL: reutovevg@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0270-168X

РЕУТОВА Марина Николаевна — кандидат социологических наук, кафедра социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.
E-MAIL: reutova@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0001-8085-8274

*Marina N. REUTOVA*¹ — *Cand. Sci (Sociol.), Assoc. Prof.*
E-MAIL: reutova@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0001-8085-8274

ШАВЫРИНА Ирина Валерьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления Белгородского государственного

*Irina V. SHAVYRINA*² — *Cand. Sci (Sociol.), Assoc. Prof.*

¹ Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

² Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia

технологического университета им.
В. Г. Шухова, Белгород, Россия.
E-MAIL: shavyrina_77@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0956-9992

E-MAIL: shavyrina_77@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0956-9992

ТУРЬЯНСКИЙ Александр Александрович — ассистент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

E-MAIL: turyansky@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0001-8400-3687

Alexander A. TURIANSKY²— Assistant
E-MAIL: turyansky@bsu.edu.ru
ORCID: 0000-0001-8400-3687

Аннотация. На основе результатов авторского эмпирического исследования проанализированы варианты самоорганизации в локальных сообществах, а также основные механизмы включения индивидов в активистские практики и способы поддержания соответствующего модуса социального поведения. В процессе самоорганизации «слабые» связи актуализируются, трансформируются в «сильные», или же формируются новые связи различного характера. В качестве основных факторов самоорганизации в локальных сообществах выступают факторы-вызовы, связанные с деградацией ресурсной базы и неэффективностью социальных институтов, и факторы-атрибуты, представляющие «естественные» для социума и человеческих отношений характеристики (например, отмеченное респондентами естественное стремление людей к сотрудничеству, желание улучшить ситуацию в месте проживания и т. п.). Основными мотивами для включения в практики самоорганизации выступает стремление предотвратить деградацию социальной среды территории проживания, помочь людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, удовлетворение потребности в социально одобряемых типах

Abstract. Based on the results of the author's empirical study the paper provides an analysis of self-organization practices in local communities and the mechanisms of individual activist involvement and maintaining appropriate social behavior. In the process of self-organization the «weak» links are actualized and transform into the «strong» links, or new ties of different nature are formed. Self-organization in local communities is caused by factors «challenges» related to the degradation of the resource basis and the ineffectiveness of social institutions and factors «attributors» representing intrinsic characteristics of society and human relations (for example, respondents cited natural human desire to cooperate or to make improvements to the place of residence, etc.). The main reason behind self-organization practices is people's desire to prevent the degradation of social environment in their communities, to help those in need, or to seek social approval. Mobilization for collective actions is dominated by external stimuli and mechanisms, i. e. the initiatives of the most active members, heads of organizations and local authorities. Public activists act as «intermediaries» between representatives of

² Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, Russia

поведения. В мобилизации граждан на коллективные действия доминируют внешние стимулы и механизмы — инициатива представителей актива территорий, руководства организаций и местных органов власти. Общественные активисты выступают в качестве своеобразных «посредников» между представителями местных сообществ и властными структурами, их взаимоотношения с властью основаны преимущественно на взаимовыгодном обмене дефицитными ресурсами. Участие в коллективных акциях становится все более распространенным среди представителей локальных сообществ. Вместе с тем объективная необходимость в самоорганизации и кооперации усилий и ресурсов не всегда трансформируется в соответствующие установки и практические действия. Сдерживающими факторами самоорганизации практики выступают небольшая численность лидеров мнений, активистов, общественников относительно всего населения территории, низкий уровень обобщенного межличностного доверия, установка большинства граждан на подавляющий приоритет «сильных» связей как источника дополнительных ресурсов, а также преимущественно односторонний характер коммуникации представителей власти с общественностью.

Ключевые слова: солидарность, самоорганизация, взаимопомощь, социальные практики, локальные сообщества

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, отделение гуманитарных и общественных наук. Грант «Микропрактики солидарности в социальном пространстве местного сообщества» № 15-03-00378.

local communities and power structures; their relationship with the authorities is primarily based on a mutually beneficial exchange of scarce resources. Participation in collective activities is becoming more common among representatives of local communities. At the same time, the objective need for self-organization and mutual efforts and resources are not always transformed into appropriate attitudes and practical actions. Constraints might be a small number of opinion leaders, activists, community members in relation to the population size of the territory, low level of generalized interpersonal trust, a common belief that the «strong» ties is an important additional resource as well as predominantly one-sided communication between authorities and the public.

Keywords: solidarity, self-organization, mutual assistance, social practices, local communities

Acknowledgment. This article is funded by the Russian Foundation for Basic Research, Department of Humanities and Social Sciences (grant no. 15-03-00378 «Micropractices of solidarity in social space of local community»).

Введение

В общественном сознании россиян существует устойчивый, хотя и не всегда артикулируемый социальный запрос на социальную солидарность, выражающийся в потребности в безопасности, справедливости, комфортной социальной среде и инфраструктуре. В значительной мере данный запрос имеет характер неопределенных и пассивных экспектаций. Однако в социальной практике сформировался опыт и другого рода — связанный с самоорганизацией и стремлением к активным преобразованиям социальной среды.

В общей теории систем, эволюционировавшей из естественных наук, самоорганизация представляет собой универсальный механизм преодоления энтропии материи и нахождения баланса между устойчивостью и неустойчивостью систем [Николис, Пригожин, 1979]. Основатель синергетики Г. Хакен писал: «Мы называем систему самоорганизующейся, если она без специфического воздействия извне обретает какую-то пространственную, временную или функциональную структуру» [Хакен, 1991: 28—29].

Следует отметить, что в социальных системах, несмотря на акцентирование сторонниками синергетического подхода их принципиального сходства с иными типами систем, самоорганизация обладает своей спецификой в силу действия по крайней мере трех факторов: еще большей размытости их границ; наличия мотивации и определенной степени индетерминированности у элементов систем — социальных акторов; инклюзивности процессов организации в социальных системах, при которой свобода от внешних воздействий является, по большому счету, абстракцией.

Самоорганизация представляет собой процесс установления непосредственных связей и контактов между гражданами для решения локальных проблем и функциональных задач с перспективой их актуализации после достижения первичных целей. К основным формам локальной самоорганизации граждан относятся коллективные действия в широком диапазоне общественной активности: сбор подписей под обращениями в органы власти; проведение собраний и дискуссий для обсуждения способов решения имеющихся проблем; сбор денег и вещей для нуждающихся и другие формы взаимопомощи, митинги и демонстрации с выдвижением требований к органам власти, работодателям; организация досуговых мероприятий; совместное благоустройство территории; создание и реальное участие в деятельности институтов самоорганизации — ТОС, НКО и др.

Основания самоорганизации могут быть совершенно различны и многообразны — от защиты своих прав до проведения досуга. Принципиально одно — в процессе самоорганизации люди, изначально мало- или вообще незнакомые друг с другом, включаются в совместную деятельность или организуют ее. В процессе самоорганизации «слабые» связи актуализируются, трансформируются в «сильные», или же формируются новые связи различного характера. Как отмечают зарубежные исследователи процессов социальной самоорганизации, «традиционные социальные сети — семейно-родственные, соседские — могут и должны быть дополнены и замещены конструируемыми самими людьми посредством личного выбора сетевыми отношениями. Таким образом, возникает потребность в новых основаниях для отношений, которые выходят за рамки традиционных, обусловленных пространственной близостью и общим происхождением» [Schattenhofer, 1992: 14]; «система публичного управления должна следовать логике социальных связей местного

сообщества с расширением их возможностей. Именно они выступают в качестве движущей силы экономического развития и демократизации» [Амин, 2005: 617].

В многочисленных публикациях последних лет большое внимание уделяется формированию и развитию структур гражданского общества в регионах России, готовности населения включаться в их деятельность [Петухов, 2002; Ковалева, Мерсиянова, Якобсон, 2008; Мерсиянова, 2009; Мерсиянова, Якобсон, 2011; Халий, Аксенова, 2010 и др.]; анализируются практики солидарности и взаимопомощи на уровне местных сообществ, взаимосвязь между солидарностью и гражданским активизмом [Звоновский, Меркулова, 2015; Климова, 2013; Реутов, Реутова, Шавырина, 2016; Штейнберг, 2004; 2010 и др.].

В ряде работ анализируется институциональная основа социальной самоорганизации — деятельность НКО, которые рассматриваются как непрерывный механизм редукции и формирования системы «глобального благосостояния» [Сидорина, 2010; Kemp, 2005]. При этом институционализация процесса самоорганизации граждан рассматривается как амбивалентный фактор — не только способствующий организации коллективных действий, но и препятствующий инклюзии потенциальных участников, не готовых к рутинизированным формам гражданского участия [Батанина, Лаврикова, 2014: 123].

Большое количество публикаций посвящено развитию и функционированию института территориального общественного самоуправления в российских регионах — со всеми его коллизиями и ограничениями: имитационным характером, подконтрольностью местным администрациям, отсутствием или слабостью реального актива, ресурсной ограниченностью, недоверием населения, отсутствием контактов с бизнес-структурами и СМИ и пр. [Гайдуков, Реутов, 2012; Киселева, 2008; Ляхов, 2015; Мерсиянова, 2010; Фомин, 2012 и др.].

Особенности самоорганизации на местном уровне

Рассматривая процессы «жилищной самоорганизации» на примере деятельности органов ТОС, И. В. Мерсиянова отмечает ее существенные эффекты в виде добровольческих и благотворительных ресурсов, однако, по большому счету, не дает ответа на вопрос, в какой мере деятельность ТОС соответствует критерию самоорганизации и не является ли она на самом деле результатом сложного переплетения организационного и самоорганизационного эффектов [Потенциал и пути развития..., 2010: 252—282].

Авторы отчета по результатам общероссийского социологического исследования «Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем» (Левада-Центр, 2014 г.) отмечают, что хотя в настоящее время (прежде всего в мегаполисах) появляется «все больше оснований для позитивной солидарности», «среди населения распространено ощущение беспомощности, одиночества, неспособности управлять собственной жизнью. Даже среди людей, участвующих в общественной активности и защищающих свои права, распространено мнение о невозможности кардинально изменить ситуацию к лучшему»¹. Результаты

¹ Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: Сводный аналитический отчет — 2014 [Электронный ресурс] // Левада-Центр. URL: http://www.levada.ru/old/sites/default/files/potencial_grazhdanskogo_uchastiya_0.pdf (дата обращения: 16.07.2017).

мониторинга Левада-Центра в 2016 г. свидетельствуют, что установкой на преобразование окружающей действительности обладает меньшинство населения. Лишь 10 % опрошенных считают необходимым «пытаться изменить окружающую действительность, не мириться с ее несовершенством»².

В процессе самоорганизации зачастую актуализируются коллективные идентичности, восходящие к традиционным элементам социальной структуры — социально-демографическим, профессиональным, социоэкономическим стратам, этноконфессиональным группам, территориальным общностям, коммерческим и некоммерческим организациям. Иногда интегрирующий признак может носить более специфический характер — например, автовладельцы, выступающие против повышения транспортного налога и стоимости аренды земли под гаражом, или родители детей с ДЦП или синдромом Дауна, стремящиеся к инклюзивному образованию для своих детей.

Формирующиеся в этих случаях группы интересов (группы действия, группы давления), объединяющие, как правило, нелимитированное число индивидуальных участников и стремящиеся к достижению групповых целей на основе консолидации ресурсов, получают ярко выраженный сетевой характер, а коммуникация между их участниками становится разновекторной и многообразной по формам и содержанию.

Количество субъектов, одновременно участвующих в коммуникации по поводу того или иного интереса, как и их характер взаимодействия, зачастую также сложно определить. Так, наблюдая взаимодействие «власти» и «общественности», внимательный исследователь может увидеть отсутствие монолитности этих акторов, проследить в структуре «общественности» группы со специфическими интересами, ситуативно объединившиеся с остальными, участников, реализующих лишь собственные амбиции на волне решения общественной проблемы, и альтруистов, а в системе «власти» — то же многообразие интенций, обусловленное корпоративными (ведомственными) интересами. При этом сами категории «общественности» и «власти» также могут пересекаться. Так, некоторые НКО аффилированы с властью; среди чиновников встречаются люди, отказавшиеся следовать принципам корпоративной солидарности и поставляющие инсайдерскую информацию общественным активистам и т. п. Исследователи отмечают значительную роль в коммуникации «власти» и «общественности» «посредников», в качестве которых наиболее часто в городских сообществах выступают муниципальные депутаты, а также подразделения администраций по работе с НКО, «Доверенные» общественные фонды и гражданские организации, общественные палаты [Климова, Климов, 2015: 54—55].

Методика исследования

Наше исследование имело целью выявить и описать практики самоорганизации в локальных сообществах, а также основные механизмы включения индивидов в активистские практики и пути поддержания соответствующего модуса социального поведения.

² Общественное мнение — 2016 [Электронный ресурс]. М. : Левада-Центр, 2017. С. 21. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2017/02/OM-2016.pdf> (дата обращения: 18.07.2017).

Авторское эмпирическое исследование включало два этапа. Первый — массовый анкетный опрос — проходил в Белгородской области в ноябре-декабре 2015 г. Объем выборочной совокупности составил 1002 респондента; выборка репрезентирует половую, возрастную и поселенческую структуру населения региона. Второй этап — серия полуструктурированных интервью — проходил в Белгородской и Воронежской областях в октябре-ноябре 2016 г. (N=30). Целевая выборка предполагала отбор граждан, имеющих опыт общественно-полезной деятельности в течение последних двух лет.

Практики самоорганизации

Результаты анкетного опроса показали достаточно высокую результативность самоорганизации граждан на микролокальном уровне. Так, в течение последнего года 49,4 % респондентов так или иначе участвовали в какой-либо коллективной деятельности с соседями по дому (в селе — по улице). Чаще всего это было связано с уборкой и благоустройством территории (27,5 % опрошенных). 17,1 % участвовали в различных формах коллективной взаимопомощи (в том числе в сборе денег, вещей), 12,7 % — в сборе подписей, коллективных обращениях в органы власти и другие официальные учреждения. В устройство и проведение праздников были вовлечены 8,2 % респондентов. Всего 1,9 % опрошенных принимали участие в действиях протестного характера (митингах, пикетах) (см. табл. 1).

Таблица 1. Приходилось ли Вам в течение последнего года участвовать в какой-либо коллективной деятельности с Вашими соседями по дому (если Вы живете в селе, то по улице), и если приходилось, что это была за деятельность? (% от опрошенных)

Не приходилось	50,6
Уборка, благоустройство территории	27,5
Коллективная взаимопомощь (в том числе сбор денег, вещей)	17,1
Устройство и проведение праздников	8,2
Сбор подписей, коллективные обращения в органы власти и другие официальные учреждения	12,7
Действия протестного характера (митинги, пикеты)	1,9
Другое	0,2

Отмеченные формы коллективных действий, с одной стороны, можно охарактеризовать как реальную самоорганизацию граждан, поскольку чаще всего инициатива участия в них (по крайней мере, по оценкам респондентов) исходила «снизу». Как правило, инициаторами выступали соседи респондентов (45,5 % назвали именно их). Однако и сами опрошенные в 25,2 % случаев инициировали такие мероприятия. Общественные организации в качестве инициаторов назвали 17,2 % опрошен-

ных. О роли других внешних инстанций — органов власти и управляющих компаний — в организации коллективных действий заявили 10,6% и 8,8% респондентов, соответственно. Безусловно, роль местной власти в организации коллективных действий (особенно по благоустройству территории и проведению праздников), скорее всего, гораздо существеннее — просто она реализуется не напрямую, а через посредников — общественных активистов, представителей НКО и т. п.

В одном из интервью респондент так описывает свой личный опыт самоорганизации, имеющий как ситуативный, так и организованный характер: *«у меня лично была ситуация, когда мне подкинули несколько котят, я обратилась за помощью, и огромную помощь получила — мне привезли продукты, мне помогли их устроить, диких помогли отловить... Еще есть обмен информацией, советами, как лучше поступить в той или иной ситуации. Также я знаю о деятельности организации «Святое Белогорье против детского рака». Это волонтерская организация, но она имеет статус юридического лица, они очень плотно работают в плане благотворительности. Сейчас мы собираем крышки для утилизации, чтобы компания, которая занимается утилизацией, могла оплатить операцию больному мальчику. Я участвовала с ними в нескольких проектах, мне очень понравилось»* (женщина, 27 лет, профсоюзный работник).

57,2% респондентов доводилось в течение последнего года участвовать в коллективной деятельности, выходящей за пределы чисто профессиональной, вместе с коллегами по работе. Наиболее распространенными формами коллективных действий были: организация взаимопомощи (в том числе сбор денег, вещей) (об этом упомянули 23,1% опрошенных), уборка, благоустройство территории (22,7%) и устройство корпоративных праздников (22,0%). Сбор подписей и коллективные обращения к руководству встречались достаточно редко (5,4%).

Как правило, инициативы по организации коллективных действий по месту работы носили централизованный характер: 40,3% респондентов, участвовавших в них, отметили, что они исходили от руководства организации, 9,3% — от профсоюзного комитета организации и 7,4% — от органов власти. Однако и мобилизация «снизу» также была достаточно распространена: 34,4% опрошенных отметили, что к участию в коллективных действиях их подтолкнули коллеги по работе, а 19,9% респондентов сами были их инициаторами. Таким образом, нельзя сказать, что коллективные действия представителей трудовых коллективов носят исключительно мобилизованный характер и иницируются «сверху». Многие из них автономны и в данном случае вполне представляют собой солидарные практики в чистом виде.

Коллективные действия, организованные на мезолокальном уровне — совместно с другими жителями города, поселка, села, — оказались менее распространены, нежели формы коллективного участия в соседских или трудовых сообществах. Тем не менее опыт участия в такого рода деятельности за последний год имели 36,8% респондентов. Чаще всего это были уборка и благоустройство территории (16,8% опрошенных) и коллективная взаимопомощь, в том числе сбор денег, вещей (11,3%). Несколько реже были отмечены устройство и проведение праздников (9,7%) и сбор подписей, коллективные обращения в органы власти и другие официальные учреждения (7,1%). Участие в действиях протестного характера носило крайне ограниченный характер (1,2%) (табл. 2).

Таблица 2. Приходилось ли Вам в течение последнего года участвовать в какой-либо коллективной деятельности с другими жителями Вашего города (поселка, села), и если приходилось, что это была за деятельность? (% от опрошенных)

Не приходилось	61,1
Уборка, благоустройство территории	16,8
Коллективная взаимопомощь (в том числе сбор денег, вещей)	11,3
Устройство и проведение праздников	9,7
Сбор подписей, коллективные обращения в органы власти и другие официальные учреждения	7,1
Действия протестного характера (митинги, пикеты)	1,2
Затрудняюсь ответить	2,1

Факторы самоорганизации

К ведущим факторам самоорганизации граждан на локальном уровне относятся, во-первых: объем и характер проблем на конкретной территории или в организации, наличие эффективных институтов самоорганизации (ТОСы, НКО и др.). Во-вторых, это субъективное восприятие людьми проблемности ситуации, а также набор культурных ценностей, оказывающих влияние на социальное поведение и во многом предопределяющих готовность к кооперации и сотрудничеству.

Значительное количество граждан достаточно скептически оценивает уровень солидарности в локальных сообществах. По результатам анкетного опроса, 57,7% респондентов считают, что в их ближайшем окружении больше согласия, нежели разобщенности. Противоположную точку зрения высказали 23,0%. Кооперация между людьми затруднена не только слабостью соответствующих институциональных механизмов, но и неготовностью граждан фиксировать ситуации и случаи, в которых сотрудничество могло бы оказаться полезным. Лишь 23,7% респондентов отметили, что ситуации, требующие сотрудничества между людьми, кооперации их усилий и ресурсов, в повседневной жизни возникают практически постоянно. Чуть более половины опрошенных (52,5%) считает, что такие ситуации возникают достаточно часто. 17,6% опрошенных указали, что ситуации, требующие кооперации и коллективных действий, бывают редко; 6,3% — что они отсутствуют.

Таким образом, только четверть населения считает, что кооперация и сотрудничество естественны для локальных сообществ и проявляются в повседневных взаимодействиях. Но при этом и сторонников «атомистической» модели российской повседневности относительно немного — практически столько же. Модальным является представление о том, что ситуации, требующие кооперации усилий и ресурсов участников местного сообщества, имеют частое распространение.

Однако обобщенные оценки объективных факторов самоорганизации уступают субъективному опыту граждан. Так, лишь 10,5% респондентов отметили, что ситуации, подталкивающие к кооперации и сотрудничеству, в их жизни возникают практически постоянно, и 47,8% — довольно часто. В совокупности это на 17,8 п. п. меньше, чем соответствующие значения при обобщенной оценке востребованности кооперации и сотрудничества между людьми. О том, что такие ситуации

в их жизни практически не возникают, заявили 12,5 % респондентов; возникают редко — 29,2 %.

В ответ на предложение локализовать проблемы, являющиеся для них предпосылками самоорганизации, респонденты почти в равных долях разделились на три группы: 35,8 % указали, что это прежде всего проблемы личного или семейного уровня, 29,0 % отнесли проблемность ситуации к локусу двора, микрорайона или населенного пункта, а 35,2 % отметили, что проблемы на двух этих уровнях взаимосвязаны и имеют одинаковое значение для самоорганизации.

В качестве наиболее значимых факторов, способствующих самоорганизации граждан, респонденты назвали снижение уровня жизни, нехватку собственных ресурсов (45,1 %), естественное стремление людей к сотрудничеству (39,0 %), желание улучшить ситуацию в месте проживания (36,7 %). К значимым факторам, с их точки зрения, относятся также неспособность государственной и муниципальной власти решать социальные проблемы (32,0 %) и нарушение прав граждан со стороны власти, крупных собственников (28,6 %). Таким образом, в общественном сознании в качестве основных факторов самоорганизации в локальных сообществах фигурируют факторы-вызовы, связанные с деградацией ресурсной базы сообществ и отдельных домохозяйств, неэффективностью социальных институтов и пр., и факторы-атрибуты, представляющие «естественные» для социума и человеческих отношений характеристики. При этом первая группа факторов, отражающих рост проблемности как на уровне домохозяйств, так и на уровне локальных сообществ, преобладает. Вместе с тем, нужно понимать, что осознание гражданами наличия проблем — даже непосредственно затрагивающих их самих и их семьи — не так уж часто приводит их к выводу о необходимости как-то кооперироваться с другими людьми и использовать институциональные каналы для поиска решений. Так, по данным мониторинга Левада-Центра (2016 г.), лишь 25 % опрошенных в течение последних десяти лет при возникновении проблем приходилось обращаться за помощью к близким друзьям и родственникам. Остальные же источники социально значимых ресурсов использовало значительно меньше респондентов: обращались в органы власти 6 %, в суд — 5 %, размещали просьбы о помощи в социальных сетях — 3 %, подписывали коллективные письма, петиции — 3 %, обращались к депутату — 3 %, выходили на митинги и пикеты — 2 %, в СМИ — 2 %³. Данные опроса Фонда «Общественное мнение» (2016 г.) наглядно демонстрируют, что социальная пассивность граждан в использовании ресурсов общественных и государственных институтов обусловлена укоренившимся недоверием к их готовности идти навстречу проблемам простых людей. В значительной мере это также относится и к социальному окружению за пределами дружеских и родственных связей. В финансовой или иной помощи со стороны своих родственников в случае болезни уверены 88 % опрошенных, друзей — 68 %, соседей — 31 %. От работодателей ее ожидают 33 %, от государства — всего 25 %, а от общественных организаций и благотворительных фондов — и того меньше, всего 19 % респондентов⁴.

³ Общественное мнение — 2016 [Электронный ресурс]. М. : Левада-Центр, 2017. С. 47. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2017/02/OM-2016.pdf> (дата обращения: 18.07.2017).

⁴ На чью помощь рассчитывают взрослые люди [Электронный ресурс] // ФОМ. URL: <http://fom.ru/TSennosti/12766> (дата обращения: 11.07.2017).

Для более четкого понимания стимулов к самоорганизации, действующих отдельно — на уровне домохозяйств и на уровне территориальных сообществ — респондентам были заданы соответствующие вопросы.

Ведущим стимулом включенности в практики сотрудничества и самоорганизации, ориентированные на решение частных проблем, является материальное неблагополучие — об этом заявили 47,8% опрошенных (из тех, кто отметил стимулирующую роль проблем личного и семейного уровня). Именно нехватка материальных и финансовых ресурсов ориентирует людей на включение в практики взаимопомощи. На втором месте находится недостаточность информационных ресурсов — необходимость в советах и консультациях по различным вопросам — на это указали 22,9% респондентов. «Ценностная» мотивация характерна для 18,9% опрошенных, которые нуждаются в единомышленниках в том или ином деле, увлечении. Для 14,1% респондентов ситуации, побуждающие к сотрудничеству для решения частных проблем, связаны с нарушением прав либо их самих, либо кого-то из членов семьи. 13,9% нуждаются в помощи по дому, хозяйству. И, наконец, 8,0% респондентов данной группы не хватает собственных ресурсов для ухода и присмотра за детьми или стариками.

В качестве ведущего стимула самоорганизации на уровне территориальных и профессиональных сообществ 66,8% респондентов указали на необходимость обустройства территории, улучшения окружающей человека среды во дворе, микрорайоне, городе, селе. Для 37,7% опрошенных необходимость самоорганизации связана с нарушением коллективных прав жителей или участников трудового коллектива со стороны власти или собственников, руководителей предприятия.

В нарративах интервью, проведенных на втором этапе исследования, можно встретить самые разнообразные объяснения необходимости самоорганизации — от достаточно абстрактных до предельно конкретных. Респонденты, с одной стороны, оперируют общими понятиями социальных проблем и необходимости их решения, реализации принципов самоуправления и пр.: *«это нужно для того, чтобы помогать людям. Все-таки не всегда проблемы людей интересны общественным каким-то таким группам на уровне, например, города, потому что все-таки у каждого человека очень много проблем; и не все проблемы будут решать те группы, которые созданы как бы на большой территории. Поэтому нужно создавать мелкие объединения, которые будут помогать людям»* (женщина, 20 лет, студентка).

С другой стороны, отмечаются предельно простые и конкретные ситуации, требующие коллективных усилий и связанные с личным опытом респондентов: *«У нас дом с четырьмя подъездами, вот нам нужно установить... мы захотели установить счетчики тепловые, потому что... ну вот, дорого платим. И решили, что счетчик установить будет удобно»* (женщина, 76 лет, пенсионер); *«допустим, имело место в нашем подъезде более полугода вредительство. Вредительство шло, домофон у нас постоянно [ломали]. Там все было связано с криминалом. Тоже поднимался вопрос, и тоже солидарно все это решилось. Домофон восстановлен, на данное время у нас все прекрасно»* (женщина, 65 лет, пенсионер); *«Ну по месту проживания все неясно с этим капремонтом — там подъезд разваливается, вечно грязно, все почтовые ящики помяты. Непонятно, кто должен убирать, чистить, ремонтировать. Этого никто не хочет, а надо»* (мужчина, 25 лет, юрист), *«нас никто не застав-*

ляет, как общественную организацию, нам никто не платит деньги, но у нас есть понимание, что с детьми нужно работать, и тут военный опыт, который у нас был, его нужно передавать детям» (мужчина, 65 лет, военный пенсионер).

Объективная необходимость в самоорганизации и кооперации усилий и ресурсов, даже при ее признании большинством населения, далеко не всегда трансформируется в соответствующие установки, не говоря уже о действиях.

Как показало исследование, самоорганизации граждан, особенно за пределами «сильных» связей, препятствует низкий уровень социального доверия. Даже в соседских сообществах люди зачастую не способны проявить эмпатию, доверие, социальную ответственность.

Полученные в ходе анкетирования данные позволяют констатировать достаточно низкий уровень обобщенного межличностного доверия. Отвечая на вопрос: «Как Вы считаете, большинству людей можно или нельзя доверять?», 35,3% респондентов дали положительный ответ. Противоположную точку зрения высказали 49,3% опрошенных. При этом уровень доверия, по данным наших замеров, за последние пять лет практически не изменился — в 2010 г. доля респондентов, считавших, что большинству людей можно доверять, составляла 33,1%. Некоторое улучшение ситуации с доверием произошло в 2012 г. (табл. 3). По-видимому, это было обусловлено общим повышением уровня социального оптимизма в российском обществе, вызванным относительно безболезненным выходом из ситуации финансово-экономического кризиса.

Таблица 3. **Как Вы считаете, большинству людей можно или нельзя доверять?**
(% от опрошенных)

	2010	2012	2015
Можно	33,1%	42,4	35,3
Нельзя	51,5%	37,5	48,3
Затрудняюсь ответить / Нет ответа	15,4%	20,1	16,4

Уровень межличностного доверия снижается по мере расширения круга его потенциальных адресатов. Так, большинству жителей дома, двора, улицы (в сельской местности) в той или иной степени доверяют 56,1% респондентов (из них 18,9% дали однозначно положительный ответ); не доверяют — 36,7%. По мере расширения круга адресатов доверия до пределов городского или сельского поселения доля респондентов, доверяющих большинству жителей территории, уменьшается до 34,0% — фактически до того же уровня, который характеризует обобщенное межличностное доверие в принципе. Данная закономерность уже была отмечена в ходе предшествующих исследований [Реутов и др., 2013: 92—93]. Локальный, коммунитарный уровень является тем пределом, за которым изменение масштаба социальных связей уже непринципиально для межличностного доверия.

Наиболее существенным «ценностным» ограничителем самоорганизации является убежденность значительной части граждан в том, что «все люди пре-

следуют прежде всего свои интересы, не считаясь с интересами других». Такого мнения придерживается 42,7 % респондентов, давших содержательный ответ. Разделяют мнение о том, что «люди способны на бескорыстие, взаимопомощь даже незнакомым людям» 42,4 % опрошенных. Сложно сказать, насколько респонденты экстраполировали свои личные принципы и установки на то абстрактное множество, о котором их спрашивали. Но, скорее всего, в ответах респондентов в значительной мере проявляются их собственные ценностные ориентации. Безусловно, наличие той или иной ориентации не означает, что человек либо будет, либо не будет кооперироваться с другими людьми и включаться в процесс самоорганизации. Рефлексивное отношение к действительности даже у самых недоверчивых людей способствует пониманию того, что в ситуации ресурсных ограничений кооперация и сотрудничество являются единственным рациональным способом решения частных проблем. И, наоборот, даже самые большие оптимисты в отношении человеческой природы могут не реализовать свой ценностный потенциал в условиях отсутствия институциональных механизмов самоорганизации или недостаточности элементарной коммуникативной компетентности.

В интервью с общественниками мотив пассивности подавляющего большинства жителей территорий находит достаточно частое выражение: «Ну вы понимаете, все равно, даже в этом — то, что люди заинтересованы, но активистов совсем нет» (женщина, 76 лет, пенсионер); «не знаю я, чем можно заинтересовать людей, чтобы они объединились, как таковое объединение заключается в том, что одни сажают цветочки, другие наблюдают. Наблюдателей более, чем тех, кто это делает» (женщина, 65 лет, пенсионер); «даже вот когда собирается какое-то собрание, по поводу РЭУ, например, два-три человека присутствуют, в основном люди каждый занят своей жизнью и старается выживать в сегодняшних условиях» (женщина, 78 лет, пенсионер); «Вроде все готовы, а на деле... Вот взять двор — все. При сильной помощи, там — убрать двор, землю разнести, да, много выходят, а если касается более серьезного, чтоб добиться, чтобы эту землю привезли — единицы. На работе — все за. Как только за дело — где все? Город — субботники; если на работе выгонят — идут, если нет — мало кого волнует» (женщина, 46 лет, сотрудник бюджетного учреждения); «а если люди работают на двор — ну то есть пойти посадить, выкопать — ну это же наша территория — вот тут, извините, дураков нету. Я знаю трех, от силы пять человек — два дома трехподъездных — и в этом дворе от силы пять людей, которые будут ухаживать за дворовой территорией. Остальные не хотят, не могут, некогда. Мне в данной ситуации, как старшей [по дому], нужно столько потратить энергии, чтобы поднять людей. И я сомневаюсь все-таки, что я их подниму» (женщина, 55 лет, библиотекарь).

Результаты мониторинга Левада-Центра показывают, что в полной или значительной мере чувствуют ответственность за то, что происходит в их доме и дворе, не так уж много людей — 47 %. Еще меньше — 41 % — думают, что могут повлиять на ситуацию в доме или дворе. Ответственность за происходящее в городе / районе испытывают 18 % респондентов, а о возможном влиянии на него утверждают 12 %⁵.

⁵ Общественное мнение — 2016 [Электронный ресурс]. М. : Левада-Центр, 2017. С. 41—42. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2017/02/OM-2016.pdf> (дата обращения: 18.07.2017).

Некоторые респонденты в ходе интервью отмечают, что за пассивностью большинства скрывается определенный потенциал, который нужно и можно актуализировать: *«в нашем доме, например, из 56 квартир 7 — точно активные, очень активные, правда, кто, где и в чем. Есть, конечно, и старческая активность, она во многом не по делу, так, поорать, хотя потенциал высок. Но это во дворе, в одном, а в нескольких — еще больше. Думаю, что люди готовы и другие, но нужен толчок какой-то»* (женщина, 49 лет, пенсионер); *«столкнувшись с проблемой решения какого-то вопроса, натыкаешься на равнодушные людей — это одно, второе — занятость людей, люди заняты очень, а третье — просто нежелание. И, допустим, из сорока квартир, только две единицы, которые активно все это делали, но желание есть у людей. Желающих людей больше, и люди идут, люди отзываются, но и сталкиваешься с равнодушным»* (женщина, 65 лет, пенсионер).

Самоорганизации в локальных сообществах, помимо пассивности большинства населения муниципальных образований, препятствует также установка большинства их участников на подавляющий приоритет «сильных» связей как источника дополнительных ресурсов. Сторонами данных отношений являются, прежде всего, члены семьи и родственники. На их помощь в трудной жизненной ситуации, как показали результаты массового опроса, рассчитывают 68,4 % респондентов. К друзьям и знакомым обратились бы в этом случае 43,3 % респондентов. Все остальные социальные связи фактически не рассматриваются как социальный капитал подавляющим большинством респондентов. Так, к помощи коллег по работе прибегли бы 8,2 % респондентов, к помощи соседей — 6,7 %. Характерно, что при всем патернализме российских граждан на помощь государственных (муниципальных) органов и учреждений рассчитывает ничтожная доля респондентов — 4,7 %. Еще меньше их — 2,9 % — надеются на помощь со стороны общественных организаций. Но самое главное — в сознании большинства населения распространена установка на невозможность получения помощи ни от кого вокруг. Единственным источником ресурсов для решения своих проблем являешься только ты сам — на это указали 62,7 % опрошенных. Безусловно, значительная часть из них при этом рассчитывает и на помощь своих родных. Но сам факт выбора данной позиции достаточно красноречив и отчетливо свидетельствует о разобщенности российского социума.

Роль местной власти в самоорганизации локальных сообществ

Если обычные граждане существуют с властью в мало соприкасающихся мирах, то многие из опрошенных в ходе интервьюирования общественников отметили принципиальное значение органов власти для самоорганизации в локальных сообществах, хотя некоторые и затруднились определить его в точных категориях: *«Я думаю, они довольно редко вообще на это внимание обращают, но чаще это какие-то слова благодарности, что-то такое положительное»* (женщина, 19 лет, студентка); *«в принципе, наверное, это все-таки поддержка, потому что никакого сопротивления я не вижу»* (женщина, 27 лет, ландшафтный дизайнер).

Чаще всего респонденты говорили о положительной роли власти в процессах самоорганизации в локальных сообществах. Хотя, судя по нарративам интервью, скорее следует вести речь не столько о самоорганизации населения, сколь-

ко о деятельности инспирированных муниципальной властью общественных (а иногда — и квазиобщественных) структур. «Все зависит от того, какой характер у этой организации. Если это какие-нибудь совет территории, совет дома, то это поддержку встречает, потому что сейчас, насколько я помню, даже программы есть по Белгородской области, чтобы создавались советы, и чтобы люди сами могли организовываться. В любом случае, если это не радикальная организация, а организация, которая направляет свои силы на благо, то, конечно, это встречает поддержку со стороны администрации. Потому что за всем не уследишь, а здесь есть старший по дому, каждый за какой-то кусочек ответственный» (женщина, 22 года, государственный служащий); «практически каждая инициатива в первую очередь рассматривается органами власти. Если органы власти видят, что этот проект интересен и его можно внедрить, это что-то новое, конечно, они поддерживают как материально, так и административно. К сожалению, из-за финансового кризиса материальная составляющая сейчас стала почти невозможной, но органы власти идут всем навстречу и помогают, как могут» (мужчина, 22 года, муниципальный служащий).

Довольно большое количество позитивных комментариев, касающихся взаимодействия местных активистов и органов власти, вполне ожидаемо. На низовом уровне местного самоуправления, в органах ТОС может происходить взаимовыгодный обмен дефицитными ресурсами между муниципальной властью и активом территорий. Муниципальная власть выделяет помещения, технику, иные виды ресурсов. Взамен она снимает с себя значительную часть ответственности за содержание территории: «местная власть идет всегда навстречу. Это большая помощь. Вообще, если, согласно закону, они отвечают за состояние территории. И если люди сами наводят порядок, они и трактор могут выделить в селе для того чтобы вывезти куда-то мусор, и ту же бензопилу, и триммеры. Власть всегда идет навстречу» (мужчина, 50 лет, заместитель директора школы).

Механизм мобилизации властью активистского потенциала локальных сообществ, как правило, достаточно прост — это рекрутирование лидеров общественного мнения. Один из респондентов отмечает: «Достаточно все спонтанно произошло. Попросили, предложили. Мне как-то было неудобно отказывать. Я сам отец, для меня очень важно воспитание собственных детей. Плюс я педагог. Воспитание детей чужих, ну не чужих, потому что я с ними нахожусь постоянно, не меньше, чем со своими занимаюсь. Поэтому как-то вроде предполагалось само собой, что я должен в этом поучаствовать» (мужчина, 41 год, преподаватель вуза, член президиума Совета отцов городского округа).

Иногда в ответах респондентов просматриваются электоральные мотивы, которыми может быть обусловлена помощь общественным объединениям, действующим на территории избирательного округа: «конечно, пользуются поддержкой. У нас вот депутат от нашего округа, она очень даже с нами хорошо работает, и мы ей очень благодарны» (женщина, 78 лет, пенсионер); «поддержка есть со стороны нашего депутата. Она нам помогает — мы и праздники отмечаем; к Новому году она нам что-то организовывает — в смысле, подарки; на 8 Марта приходят представительницы, поздравляют нас. Она нам организовывала замечательную экскурсию в зоопарк, а потом мы катались на парходике по водохранилищу. Это было так

интересно, я даже не ожидала... в общем, мы частенько вспоминаем» (женщина, 82 года, пенсионер).

Естественно, такое сотрудничество связано с преодолением множества административных и коммуникативных барьеров: «с одной стороны, вроде идут навстречу, с другой, я уже говорила — много волокиты, много проблем, нужно много ходить, писать, прежде чем чего-то добиться» (женщина, 46 лет, сотрудник бюджетной организации). В ряде случаев они становятся непреодолимыми и вызывают полное разочарование общественных активистов в готовности муниципальной власти к сотрудничеству. Одна из респондентов (старшая по дому) поделилась своим неудачным опытом взаимодействия с местной властью и управляющей компанией и их сугубо формальным подходом к проблемам территорий: «можно сказать, в одночасье нас сделали собственниками и заставили управлять этим — нашей собственностью. Во-первых, нас никто не научил, как это делать. Мы не готовы к этому. Нам никто не помогает. На примере своего дома — у нас было благоустройство двора. Получилось не все там хорошо. Я билась, я пять лет билась, чтобы это исправили. Не исправили, никому это не надо... Мне всегда говорят: «Вам нужно организовать ТОС, вам будут помогать». А почему мне сейчас нельзя помогать, простите? Я не понимаю. Потом я депутату задавала вопрос. Вот есть Советы территорий при депутатах. Депутаты — председатели советов территорий. И они собираются раз в месяц. А я как-то набралась наглости и сама пошла туда. И я там услышала: «Что, Вы не ТОС?». А я: «А почему Вы старших по домам не приглашаете?» Но опять же, мы — не ТОС. Какая разница, простите. Я не понимаю» (женщина, 55 лет, библиотекарь).

Выводы

Несмотря на низкий уровень межличностного и институционального доверия, различные формы самоорганизации граждан постепенно становятся функциональным элементом социального пространства локальных сообществ. Основными мотивами для включения в практики самоорганизации являются: стремление предотвратить деградацию социальной среды территории проживания, сделать ее более комфортной, помочь людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, наконец, удовлетворить имеющиеся потребности в альтруистическом и коллективистском или же просто социально одобряемом типах поведения. Так, наиболее распространенные стимулы самоорганизации «снизу» — предельно конкретные проблемы, возникающие на территории проживания и ухудшающие жизнь граждан. После решения проблемы общественная активность, как правило, стихает. Лишь в очень небольшом количестве случаев формируются устойчивые практики и институциональные структуры самоорганизации.

Участие большинства представителей локальных сообществ в практиках самоорганизации имеет спорадический характер и мобилизуется извне — представителями актива территорий и организаций, многие из которых аффилированы с муниципальным или корпоративным руководством. Значительная часть населения готова к включению в разовые коллективные акции, связанные с благоустройством или оказанием помощи. Однако их трансформации в массовые социальные практики препятствует отсутствие критической массы лидеров мнений,

активистов, общественников, просто неравнодушных людей, готовых к регулярной и компетентной коммуникации как с представителями локальных сообществ, так и с органами власти, управляющими компаниями, иными ресурсными акторами, имеющими отношение к данной территории. Органы власти, особенно в городах, зачастую используют имеющийся актив лишь для односторонней коммуникации с сообществами, нивелируя тем самым позитивные эффекты самоорганизации.

Список литературы (References)

Батанина И. А., Лаврикова А. А. Институционализация самоорганизации граждан: теоретико-методологические аспекты исследования // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 116—124.

Batanina I. A., Lavrikova A. A. (2014) Institutionalization of self-organisation of citizens: theoretical and methodological aspects of research. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Humanitarian sciences*. No. 3. P. 116—124. (In Russ.).

Гайдуков Р. И., Реутов Е. В. Практика деятельности территориального общественного самоуправления в регионе // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 81—84.

Gajdukov R. I., Reutov E. V. (2012) The practice of territorial self-government in the region. *Sociological Studies*. No. 11. P. 81—84. (In Russ.)

Звоновский В. Б., Меркулова Д. Ю. Конкуренция и солидарность в новых территориальных сообществах // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 2 (124). С. 35—40.

Zvonovskij V. B., Merkulova D. U. (2015) Competition and solidarity in the new territorial communities. *Vestnik of Samara State University of Economics*. No. 2 (124). P. 35—40. (In Russ.)

Киселева А. М. Развитие территориального общественного самоуправления в крупном городе // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 73—80.

Kiseleva A. M. (2008) Development of territorial public self-government in a large city. *Sociological Studies*. No. 10. P. 73—80. (In Russ.)

Климова С. Г. Идеи и практики солидарности в добровольческом движении // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 32—41.

Klimova S. G. (2013) Ideas and practices of solidarity in volunteers' movement. *Sociological Studies*. No. 6. P. 32—41. (In Russ.)

Климова С. Г., Климов И. А. Взаимодействие горожан с властью: компетентное участие и проблема посредников // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 51—57.

Klimova S. G., Klimov I. A. (2015) Interactions of urban dwellers with powers: competent participation and problem of intermediaries. *Sociological Studies*. No. 4. P. 51—57. (In Russ.)

Ковалева Н. В., Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И. Мониторинг состояния гражданского общества в России // *Личность. Культура. Общество*. 2008. Т. X. № 5—6 (44—45). С. 224—230.

Kovaleva N. V., Mersijanova I. V., Jakobson L. I. (2008) Monitoring of the state of civil society in Russia. *Personality. Culture. Society*. Vol. X. No. 5—6. P. 224—230. (In Russ.)

Ляхов В. П. Территориальное общественное самоуправление в регионах России в условиях реформирования системы местного самоуправления: достижения и риски имитации // *Власть*. 2015. № 2. С. 71—76.

Ljahov V. P. (2015) Territorial self-government in Russian regions in situation of reforming the system of local self-government: achievements and risks of imitation. *Authority*. No. 2. P. 71—76. (In Russ.)

Мерсиянова И. В. Российское гражданское общество в региональном измерении // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2009. № 4 (92). С. 26—44.

Mersijanova I. V. (2009) Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 2. P. 26—44. (In Russ.)

Мерсиянова И. В. Территориальное общественное самоуправление как форма общественного участия // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2010. № 3. С. 149—168.

Mersijanova I. V. (2010) Territorial public self-government as a form of public participation. *Public administration issues*. No. 3. P. 149—168. (In Russ.)

Мерсиянова И. В., Якобсон Л. И. Сотрудничество государства и структур гражданского общества в решении социальных проблем // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2011. № 2. С. 5—24.

Mersijanova I. V., Jakobson L. I. (2011) Cooperation of the state and civil society structures in solving social problems. *Public administration issues*. No. 2. P. 5—24. (In Russ.)

Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. М.: Мир, 1979.

Nikolis G., Prigozhin I. (1979) Self-organization in nonequilibrium systems. From dissipative structures to ordering through fluctuations. Moscow: Mir (In Russ.)

Петухов В. В. Политическая активность и гражданская самоорганизация россиян // *Общественные науки и современность*. 2002. № 6. С. 59—65.

Petuhov V. V. (2002) Political activity and civil self-organization of Russians. Social sciences and contemporary world. No. 6. P. 59—65. (In Russ.)

Потенциал и пути развития филантропии в России / под ред. И. В. Мерсияновой, Л. И. Якобсона. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.

Mersijanova I. V., Jakobson L. I. (ed.). (2010) Potential and ways of development of philanthropy in Russia. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta — Vyshej shkoly jekonomiki (In Russ.)

Реутов Е. В., Колпина Л. В., Реутова М. Н., Бояринова И. В. «Культура недоверия» в региональном социуме. Белгород : Константа, 2013.

Reutov E. V., Kolpina L. V., Reutova M. N., Bojarinova I. V. (2013) «Culture of mistrust» in the regional society. Belgorod: Konstanta (In Russ.)

Реутов Е. В., Реутова М. Н., Шавырина И. В. Социальная солидарность в установках и практиках населения // Власть. 2016. № 4. С. 94—99.

Reutov E. V., Reutova M. N., Shavyrina I. V. (2016) Social solidarity in public arrangement and practices. Authority. No. 4. P. 94—99. (In Russ.)

Сидорина Т. Ю. Институты самоорганизации граждан и развитие теории государства всеобщего благосостояния // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 87—100.

Sidorina T. U. (2010) Civil self-organization institutions and welfare state development theory. Social sciences and contemporary world. No. 5. P. 87—100. (In Russ.)

Фомин Э. В. Самоорганизация граждан и территориальное общественное самоуправление в городе // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2012. № 3. С. 55—60.

Fomin E. V. (2012) Self-organization of citizens and territorial public self-government in the city. Herald of Omsk University. Series «Economics». No. 3. P. 55—60. (In Russ.)

Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам / пер. с англ. М. : Мир, 1991.

Haken G. (1991) Information and self-organisaion: a macroscopic approach to complex systems. Moscow: Mir (In Russ.)

Халий И. А., Аксенова О. В. Активность структур гражданского общества: ориентация на взаимодействие социальных субъектов // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М.: ИС РАН, 2010. С. 229—249.

Halij I. A., Aksenova O. V. (2010) Activity of civil society structures: orientation to interaction of social actors. Social factors of the consolidation of Russian society: the sociological dimension. Moscow: IS RAC. P. 229—249. (In Russ.)

Штейнберг И. Е. Психология неэквивалентных обменов в сетях социальных обменов городских и сельских семей // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 6 (74). С. 52—57.

Shtejnberg I. E. (2004) Psychology of inequivalent exchanges in the networks of social exchanges of urban and rural families. The Russian public opinion herald. Data. Analysis. Discussions. No. 6 (74). P. 52—57. (In Russ.)

Штейнберг И. Е. Парадигма четырех «К» в исследованиях социальных сетей поддержки // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 40—50.

Shtejnberg I. E. (2010) The paradigm of four «K» in the studies of social support networks]. *Sociological Studies*. No. 5. P. 40—50. (In Russ.)

Amin A. (2005) Local community on trial. *Economy and society*. № 34 (4). P. 612—633.

Kemp K. A. (2005) Social security and welfare reform under new labor. *Social Policy Review 17: Analysis and Debate in Social Policy*. Policy Press. P. 15—32.

Schattenhofer K. (1992) Selbstorganisation und Gruppe: Entwicklungs- und Steuerungsprozesse in Gruppen. Opladen: Westdt. Verl.